

Фантазия и страх: повествование о страхе в «Мысленном волке» А. Варламова

Аннотация: В статье анализируется роман А. Варламова «Мысленный волк» (2014) как художественное осмысление исторического периода России 1914–1917 годов. Ключевой элемент произведения — фантастический образ «мысленного волка», представляющий собой сверхъестественное существо на грани реальности и иллюзии. Показано, что этот образ выполняет в тексте множество функций. Он не только символизирует внешнее идеологическое влияние и кризис ценностей, но и выступает в качестве воплощения и переносчика страха, стремясь в переломный исторический момент разрушить духовный порядок российского общества. Автор статьи обосновывает тезис о том, что «мысленный волк» — не просто метафора, а активная нарративная сила («оружие страха»). Через разнообразные формы проявления страха этот образ постепенно проникает в общественное сознание, приводя к его дезинтеграции. Исследуя симбиотическую связь между фантастическим элементом и темой страха, автор демонстрирует, как Варламов, опираясь на поэтику фантастической литературы, преобразует коллективную травму переходного периода в напряжённую духовную драму. Такой подход не только углубляет понимание духовного кризиса «Серебряного века», но и подтверждает продуктивность использования фантастических элементов в историческом нарративе. В результате читатель получает многогранную картину переломной эпохи, позволяющую осмыслить её на разных уровнях восприятия.

Ключевые слова: А. Варламов, Мысленный волк, фантастический образ, страх, общественное сознание, духовный кризис

Fantasy and Fear: The Narrative of Fear in A. Varlamov's *The Imaginary Wolf*

Abstract: This article examines A. Varlamov's novel *The Imaginary Wolf* (2014) as an artistic rendering of Russia's historical period from 1914 to 1917. Central to the novel is the fantastical figure of the "imaginary wolf," a supernatural entity inhabiting the border between reality and illusion. This figure performs multiple functions: it symbolizes external ideological pressures and the crisis of values while simultaneously embodying and transmitting fear, destabilizing the spiritual order of Russian society during a pivotal historical moment. The article contends that the "imaginary wolf" is not merely a metaphor but an active narrative force — a "weapon of fear." Through its manifestations, fear gradually permeates public consciousness, contributing to societal disintegration. By exploring the interaction between the fantastical and the theme of fear, the study demonstrates how Varlamov, drawing on the poetics of fantastical literature, transforms collective trauma into a tense spiritual drama. This approach not only deepens our understanding of the spiritual crisis of the Silver Age but also illustrates the analytical potential of incorporating fantastical elements into historical narratives, offering readers a multifaceted perspective on a transitional era.

Keywords: A. Varlamov, *The Imaginary Wolf*, fantastical figure, fear, public consciousness, spiritual crisis

Название романа «Мысленный волк» восходит к молитве Иоанна Златоуста перед Причастием, где мысленный волк символизирует сатанинский помысел. «То есть мысленный волк — это наши нечистые помыслы, своего рода темная сторона души»¹. В романе этот образ представлен в сверхреалистическом ключе и обретает глубокую содержательную связь с ходом русской истории. Основное действие романа сосредоточено в хронологических рамках 1914–1917 гг. — в период, который писатель характеризует как «время столь же богатое, сколь и мутное, столь же интересное, сколь и ядовитое, столь же привлекательное, сколь и опасно соблазнительное»². На страницах произведения оживают образы М. Пришвина, В. Розанова, А. Грина, Г. Распутина и других исторических личностей, через них раскрываются эмоциональная основа и идейные противоречия русского общества в переломный период — от Первой мировой войны до Октябрьской революции. Главным предметом изображения становятся не события сами по себе, а шаткие мысли и хаотичные поступки людей, их поспешные личные проекты «переустройства» России. Важно подчеркнуть, что роман обладает вневременным, универсальным значением. Именно это позволяет некоторым исследователям определять это произведение как неисторический роман.

Страх — одно из древнейших человеческих переживаний, основополагающее измерение человеческого существования³. Исследуя эту первобытную и мощную эмоцию, А. Варламов с помощью полуреального-полуиллюзорного образа мысленного волка связывает воедино осязаемую среду — природную, социальную, историческую — и неосязаемые психологические состояния. В романе страх, выступая как стратегия искусителя — мысленного волка, с одной стороны, исторически неизбежно порождает череду смут и потрясений, а с другой — расшатывает устои традиционной веры с точки зрения индивидуальной психологии. Данная статья сосредоточивается на анализе сложных эмоциональных состояний и интеллектуальных исканий русских интеллигентов в романе «Мысленный волк», беря за основу категорию страха.

Этот фантастический образ «мысленного волка» изначально порождает страх среди населения на геополитическом уровне. Поскольку нарушает определённость русского пространства. М.Ю. Лотман в статье «О семиотике страха в русской культуре» подчёркивал: «Россия — это в первую очередь земля, причем даже не столько почва, сколько пространство»⁴, и, ссылаясь на мысль Чаадаева, утверждал, что географический факт является истинной причиной умственного бессилия русской нации.

Повествование романа начинается с ключевого исторического момента — лета 1914 года. Писатель связывает метафорическое природное состояние (длительная засуха, зной) с коллективной тревогой позднеимператорской России. Эта тревога проистекает из ощущения кризиса в двух измерениях: потрясения глобальной геополитической структуры и структурные противоречия в процессе российской модернизации. Скрытая в тексте система исторических аллегорий воплощается через символический образ «мысленного волка». Варламов конструирует пространственный защитный механизм, проникнутый религиозно-спасительным смыслом. В романе читаем: «...оставалась только одна страна на земле, куда мысленному волку не было ходу. В той стране, словно печным дымом окутанной молитвами, зверю было нечем поживиться...»⁵. Установка «неприкосновенной области» образует литературную метонимию традиционного российского образа духовной общности. Однако со временем бескрайние российские просторы начинают размываться: «Что-то стало меняться, мутиться в бесконечных пределах России, какая-то поначалу едва заметная

трещина образовалась в этом целомудренном существе»⁶. Системные бреши в механизме духовной защиты дают мысленному волку возможность проникнуть внутрь — и этот сигнал постепенно создаёт в обществе атмосферу паники.

Когда люди осознали возможность утраты этого некогда сакрального пространства России, в обществе сформировался иррациональный консенсус, в котором активное вступление в войну стало восприниматься как единственный способ утвердить пространственную определенность и тем самым устранить или компенсировать всеобщий страх. После Высочайшего указа Николая II о вступлении в войну страх сменился ликованием. Это проявилось в безграничной экспансии пространственного сознания. Очевидно, что тревога, терзавшая души, наконец обрела выход, высвободив накопленную энергию. Подобная когнитивная аберрация, сакрализовавшая ограниченную войну, по сути, отражает крах коллективной психологической защиты. Радикальный тезис механика Комиссарова о критической точке социального топлива даёт исчерпывающее объяснение этому феномену. Комиссаров утверждал: «В России веками копилось горючее вещество, и сегодня процесс этого накопления закончился, потому что подошел к пределу и достиг критической массы»⁷. Особо следует подчеркнуть, что писатель задолго до этих событий заложил предпосылки возможного социально-психологического взрыва с помощью климатической символики. Сквозные образы «зноя» и «духоты» в тексте — не просто объективная характеристика физической среды, но и поэтическое указание на энтропийный эффект в коллективной психологии. Когда лесные пожары приходят «как по расписанию», происходит переход от природного явления к знаку социальной психологии, намекающему на неизбежность выплеска подавленной энергии и структурный крах существующего порядка.

После того как страна оказалась втянутой в эту модернистскую войну, разразилась новая эпидемия страха. Интеллигенция прежде была твердо уверена, что война пойдет на пользу России, сможет очистить и воодушевить народ. Однако затяжное увязание в военном конфликте, из которой Россия не могла выбраться, привело к огромным потерям, и люди прозрели. Как отмечается в тексте, «война — это не праздник, не ликование на площадях, не разноцветные рисунки на топографических картах, а тягость, скука, бедность и самоограничение»⁸. Изменился и моральный дух русской армии: вера в победу пошатнулась, а страх перед Германией рос с каждым днём. Даже девочка Уля начала бояться висевшего дома портрета немца. Всепроникающее, но невыразимое чувство страха вновь овладело всей духовной сферой общества.

Как заметил П. Басинский, далеко не все осознают, что Серебряный век стал для России настоящим нравственным, религиозным и интеллектуальным потрясением — своего рода искушением⁹. Опираясь на этот исторический контекст, Варламов в своём романе прибегает к мистическим художественным приёмам, чтобы передать духовное состояние русского общества начала XX в. По убеждению персонажей произведения, некий немецкий зверь искусил национальное самосознание, помутил рассудок и лишил людей воли, тем самым породив энергию хаоса и разрушения. Анализируя историческое значение той эпохи, автор формулирует и собственную позицию: он выступает против карнавализации истории, настаивая на необходимости её трезвого и объективного осмысления. Как отмечал сам Варламов в одном из интервью: «Нельзя нам истерить. Надо понижать градус. Всем. Как-то прийти в чувства, соответствовать своему историческому возрасту»¹⁰.

Ранее упоминалось, что в сакральном пространстве России образовалась трещина, открывшая путь для вторжения немецкого зверя. Но каковы истоки этой роковой трещины? Автор романа даёт символическое, хотя и иллюзорное объяснение: В последние времена в Россию проникли сочинения некоего тевтонца — под этим образом подразумевается философ Ницше. Провозгласив «смерть Бога» и призвав к «переоценке всех ценностей», он сумел трансформировать собственную душу и сознание, превратив их в обитель мысленного волка. Своим телом и мыслью философ вскормил это создание. Далее повествование рисует яркую метафору: зверь «вылез из черепа безумного тевтонца через пустые глазницы, уши, ноздри и рот — зверь, умевший одновременно быть особью и стаей, сжиматься до размера микроба и возрастать до бегемота»¹¹. Вне зависимости от обличья, он превратился в сущность, перед мощью которой человек оказывался совершенно бессилен.

Механик выступал против знакомства русских с учением Ницше, считая его пагубным. В его словах звучит резкое осуждение философа: «Нитц проклятый на самое сокровенное покусился, открыл ту дверку, за которой у всякого русского стыд хранился. А без стыда русскому никак нельзя, ибо потеряет он и образ Божий, и образ человеческий»¹². Схожим образом рассуждал и Лехкобытов, который видел в Ницше главный источник угрозы для России. Идеологическая катастрофа, вызванная проникновением этих идей, вызвала бурную реакцию во всех слоях общества. Люди в разной степени оказались поражены «токсином мысленного волка» и втянуты в круговорот смутных идей. Ключевой симптом такого поражения — внутренняя раздвоенность личности. Можно сказать, что «Двойственность — неотъемлемая черта мира, в которой рай утрачен»¹³. Этот повсеместный феномен отражает фундаментальный разрыв между традиционными ценностями и натиском модернизации. Большинство главных героев произведения проявляют черты внутренней противоречивости и оказываются вовлечены в ту или иную форму слепого, иррационального поклонения.

Ключевой образ романа — девочка Уля, вокруг которой выстраиваются действия всех главных героев, поражённых «мысленным волком». Каждый из них стремится вовлечь её в свою орбиту влияния, видя в её «пустоте» податливый материал для собственных идей и представлений о «спасении». Как замечает Савелий, «Ты настолько пуста, что каждый, кто тебя встречает, наполняет своим содержанием и думает, что тебя поймал»¹⁴.

По словам Е. Ермолина, Уля — «воплощение бесхитростно-чистой русской души, обречённой на мытарства»¹⁵. В романе она предстаёт подлинной целью агрессии мысленного волка. Эта угроза проявляется двояко. Во-первых, волк вторгается в жизнь Ули напрямую — через угрозы и преследования, погружая её в страх и духовное отравление. Во-вторых, поражая коллективное сознание нации, он провоцирует её внутреннее разложение. В итоге Уля, выступающая символом России, уподобляется живому трупу и невольно становится вместилищем мысленного волка. Это подводит к ключевому вопросу романа: что является первопричиной трагедии — внешнее идеологическое воздействие или внутреннее духовное смятение народа? Автор склоняется ко второму варианту. Исследователь Ольга Балла подчёркивает, что роман показывает поэтапное падение людей во тьму¹⁶, и писатель детально изображает, как изнутри, шаг за шагом, душа русского человека оказывается во власти тёмных сил. Басинский в рецензии дополняет эту мысль: «Читая умный роман Варламова, приходишь в ужас от того, до какой степени глупой безответственности доходили в России самые образованные, утончённо чувствующие и масштабно мыслящие люди. Собственная страна

казалась им материалом, из которого можно лепить что угодно»¹⁷.

В конце концов Уля, обессиленная, истерзанная и поруганная, качалась на краю пропасти и ждала порыв ветра, который подтолкнет её и навсегда оторвет от кровавой, грязной земли. Она больше не желала принадлежать этому миру не хотела быть ничьей музой, возлюбленной или женой¹⁸. Когда Уля взглянула в бездну, огромный зверь, обитающий в ее глубинах, устремил ответный взгляд на девушку, разинув кровавую пасть в ожидании, когда она прыгнет. И «она снова почувствовала касание страшных ладоней, что пугали ее в детстве, а теперь толкали в эту пропасть...»¹⁹. Перелом наступает в миг отчаяния: в небесах воссияет крест, отгоняющий зверя, а следом появляется нищенка в грязно-розовой накидке — образ, напоминающий святую. Хотя это видение, возможно, порождено сознанием самой героини, оно играет ключевую роль: финал романа обретает жизнеутверждающее звучание, раскрывая философско-религиозные взгляды автора.

Критик отмечает, что Варламов следует традиции отечественной классической литературы, где драматичная судьба женщины становится аллегорией судьбы России²⁰. Бездна, с которой сталкивается Уля, метафорически воплощает неопределённое будущее страны. Шаг героини в эту бездну — символ кризиса, а появление креста и матери — знак сакрального предопределения, указывающий на возможность духовного возрождения.

Примечания:

¹ Варламов А. Мысль становится волком. 27.11.2015. URL: <https://godliterature.ru/articles/2015/11/27/mysl-stanovitsya-volkom?ysclid=lwhclm4pti237723682>

² Варламов А. Мысль становится волком. 27.11.2015. URL: <https://godliterature.ru/articles/2015/11/27/mysl-stanovitsya-volkom?ysclid=lwhclm4pti237723682>

³ Свендсен Л. Философия страха / Пер. Фань Цзинцзин. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2010. С. 1. (史文德森:《恐惧的哲学》,范晶晶译,北京大学出版社,2010年,第1页。)

⁴ Лотман М. О семиотике страха в русской культуре. // Семиотика страха. Под редакцией Норы Букс и Франсиса Конта. Сорбонна. Русский институт. Париж-Москва, 2005. С. 16.

⁵ Варламов А. «Мысленный волк». М: АСТ, 2019. С. 230.

⁶ Варламов А. «Мысленный волк». М: АСТ, 2019. С. 231.

⁷ Варламов А. «Мысленный волк». М: АСТ, 2019. С. 184.

⁸ Варламов А. «Мысленный волк». М: АСТ, 2019. С. 281.

⁹ Басинский П. Современная русская проза поднимает "замороженные" вопросы. // Российская газета. 10.08.2014. URL: <https://rg.ru/2014/08/11/basinskiy.html?ysclid=lx2swep7sl529488724>

¹⁰ Варламов А. Мысль становится волком. 27.11.2015. URL: <https://godliterature.ru/articles/2015/11/27/mysl-stanovitsya-volkom?ysclid=lwhclm4pti237723682>

¹¹ Варламов А. «Мысленный волк». М: АСТ, 2019. С. 236.

¹² Варламов А. «Мысленный волк». М: АСТ, 2019. С. 233.

¹³ Маглий А.Д. Победил ли мысленный волк? // Вопросы литературы. 2016. №5. С. 149.

¹⁴ Варламов А. «Мысленный волк». М: АСТ, 2019. С. 442.

¹⁵ Ермолин Е. Журнальная проза второго квартала 2014 года // Знамя. №9. 2014. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2014/9/zhurnalnaya-proza-vtorogo-kvartala-2014-goda.html?ysclid=ly2plyrq66893556614>

¹⁶ Ольга Б. Звероуловлен буду // Дружба народов. № 11. 2014. URL: <https://magazi>

nes.gorky.media/druzhba/2014/11/zveroulovlenn-budu.html

¹⁷ Басинский П. Современная русская проза поднимает «замороженные» вопросы. // Российская газета. 10. 08. 2014. URL: <https://rg.ru/2014/08/11/basinskiy.html?ysclid=lx2swep7sl529488724>

¹⁸ Варламов А. «Мысленный волк». М: АСТ, 2019. С. 508.

¹⁹ Варламов А. «Мысленный волк». М: АСТ, 2019. С. 508.

²⁰ Мескин В.А. «Мысленный волк» Алексея Вармалова как опыт символистского романа. // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 1. С. 61.

Сведения об авторе: Дин Лили, доктор филологических наук, преподавательница Чжэцзянского института иностранных языков (г. Ханчжоу, КНР)

E-mail: lili.ding@yandex.com

Information about the author: Din Lili, PhD (Philology), lecturer of Zhejiang International Studies University (Hangzhou, CHN)

E-mail: lili.ding@yandex.com